

Внешняя политика России после войны в Ираке.

Я начну свою лекцию с краткого экскурса в прошлое. Для того чтобы лучше понять нынешнюю внешнюю политику России, необходимо хотя бы в сжатой форме охарактеризовать ее эволюцию на протяжении 1990-х годов.

1. Эволюция внешнеполитической стратегии России.

В конце 1991 года распался Советский Союз. Демократы, которые пришли к власти в постсоветской России, во многом унаследовали внешнюю политику М.Горбачева. Тем не менее, они сразу же решительно отмежевались от стратегии М.Горбачева. Как разъяснял новый министр иностранных дел А.Козырев, М.Горбачев продолжал делить мир на два лагеря, социалистический и капиталистический, все еще верил в возможность построения коммунистического общества. Такое мировидение способствовало сохранению почвы для конфронтации и соперничества. А.Козырев подчеркивал, что впредь Москва будет осуществлять курс на полное партнерство с Западом, интеграцию с ним.

Данная стратегия начала реализовываться на практике. Причем отнюдь не только по прихоти нескольких человек, а под воздействием всей ситуации внутри и вокруг России. Демократические силы, которые пришли к власти, горели желанием в сжатые сроки построить в России свободное, правовое общество и процветающую рыночную экономику. Запад представлялся в этом грандиозном деле главным политическим и идеологическим союзником. Как подчеркивали члены российского руководства, «развитые, цивилизованные страны жизненно необходимы для духовного и политического возрождения России», для «защиты от реванша внутри – российской реакции».

Одновременно Запад представлялся демократической власти основным источником помощи, необходимой для успешных экономических реформ. Западное сообщество располагало передовой технологией и крупными финансовыми ресурсами, которыми обещало делиться с Россией.

Демократы находили в западных странах и образец для развития России. Они хотели вестернизировать собственную страну, добившись «превращения России из опасного больного гиганта Евразии в члена западной зоны процветания». Российский мининдел призывал соотечественников «учиться у передового клуба, как жить цивилизованным образом, в частности, при прямом участии на всех этапах западных экспертов подготовить и осуществить совместные программы реформ в сферах экономики, безопасности и конверсии».

Движимая упомянутыми мотивами, Москва проводила ярко выраженную прозападную политику. Она из всех сил стремилась проявлять конструктивизм в международных делах, как правило, одобряла действия и позиции западных правительств, зачастую копировала их. К мнению США и западноевропейцев прислушивались в Кремле и по внутренним российским делам.

Вторым важнейшим компонентом внешней политики новой России стало налаживание дружеских связей с бывшими советскими республиками. Демократы приветствовали роспуск СССР не только потому, что это открывало единственный легальный путь к устранению М.Горбачева с президентского поста. В России существовала на тот момент широкая оппозиция имперской политике. Демократические партии и либеральная интеллигенция исходили из того, что демократизация сделала роспуск СССР неизбежным. Сопrotивление этому процессу неизбежно спровоцировало бы конфликты и войны по югославскому сценарию. Выдвигался также аргумент, что без предоставления свободы другим народам Россия никогда не станет нормальным, демократическим государством.

В Москве ожидали, что вслед за всплеском эйфории от независимости возобновится процесс взаимной гравитации бывших союзных республик. Для обеспечения этого процесса, считали демократы, достаточно было перевести отношения с ближним зарубежьем на «принципы, успешно апробированные

в Европе – нерушимость и открытость границ, права человека и права меньшинств, взаимовыгодное сотрудничество».

В качестве третьего направления российской внешней политики выкристаллизовалось освобождение от «груза» советской дипломатии. Москва проявила готовность к самокритике, признанию прошлых ошибок, исправлению их. Кремль в той или иной форме покаялся за вторжения в Венгрию, Чехословакию, Афганистан, аннексию балтийских стран, навязывание воли восточным немцам, манипулирование «освободительными движениями» и коммунистическими партиями в разных частях земного шара, жестокое обращение с японскими военнопленными, тотальный шпионаж против Запада и т.д.

Произошли очевидные изменения в политике России в отношении Восточной Европы, коммунистических режимов и компартий. Россия хотела иметь дело с реформированными соседями в Восточной Европе и верила в светлые перспективы сотрудничества с ними. Что же касается коммунистических государств – Северной Кореи, Кубы, Китая, Вьетнама – то они не выражали позитивных эмоций по поводу событий в России. Их шокировал антикоммунизм нового российского руководства и смертельно напугала перспектива, что смена формации на родине Ленина не только эхом отзовется за рубежом, но и спровоцирует российских демократов на прямое вмешательство в дела других стран. Москва в свою очередь прервала все идеологические узы с коммунистическими режимами, предвкушая при этом их скорый крах. Кремль присоединился к хору западных стран, осуждавшему нарушения прав человека на Кубе и в КНДР, попробовал поучать Пекин на тот же счет.

Охладились отношения России с идеологическими и геополитическими партнерами СССР в «третьем мире». Москва нуждалась в сотрудничестве с Западом, а они жаждали по-прежнему играть на противоречиях двух лагерей, стравливать «сверхдержавы» к собственной корысти. Вряд ли, однако, в Кремле в 1991-1992 гг. были люди, готовые продолжать конфронтировать с

Западом ради обслуживания иракских или ливийских стратегов. Не удерживал Россию на рельсах прежней дружбы и экономический расчет. Клиенты в Азии, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке десятилетиями гирей висели «на шее» советской экономики, и все общество буквально требовало перестать кому-либо в чем-либо помогать, а заняться вместо этого устройством российской жизни.

Вместе с тем Москва предприняла определенные усилия по налаживанию или расширению контактов со стабильными, умеренными и экономически сильными странами в развивающемся мире.

Таковой была первоначальная внешнеполитическая стратегия постсоветской России. Вскоре, однако, она начала видоизменяться под воздействием внутренних и внешних факторов.

Внутри России неудачи в реформенном процессе нанесли мощный удар по лагерю демократов. Они потеряли уверенность в своей правоте, лишились единства и раскололись на соперничающие кланы. Парламентские выборы в декабре 1993 г. показали, что в дополнение ко всему прочему демократы лишились поддержки большей части электората, проиграв националистам и коммунистам. Оппозиция, распрямив плечи, пошла в лобовую атаку на ту политику, в том числе внешнюю, которая возникла на заре российской демократии в 1991-1992 гг. Изменился сам состав правящих кругов. Радикальных демократов оттеснили от государственного «штурвала» представители старой советской бюрократии, многие из которых тайно и во все возрастающей степени открыто соглашались с критиками российской дипломатии.

Среди внешних факторов, способствовавших трансформации внешней политики России, следует выделить прежде всего поведение Запада. В российском обществе, и далеко не только в головах экстремистов, созрела убежденность, что западный лагерь не является надежным политическим и идеологическим союзником, что многие политики в США и в Европе предпочли бы видеть Россию слабой и бедной. Планы расширения НАТО

стали восприниматься в российском обществе как предательство, демонстрация недоверия и даже враждебности к Москве, попытка отгородиться от россиян новым «железным занавесом» и, наконец, как угроза безопасности России.

Разочаровались россияне и результатами экономического сотрудничества. Запад порицался за нежелание предоставить России адекватную помощь. Появились сомнения относительно применимости на российской почве западных рецептов развития. Зазвучали жалобы, что Запад, особенно Вашингтон, смотрит на Россию и россиян свысока, ведет себя с нами как с второразрядными гражданами, открыто оскорбляет Москву. И, действительно, между Россией и Западом сложились неравноправные отношения, обусловленные зависимостью Москвы от партнеров как в экономической, так отчасти и в политической сферах.

На российскую внешнюю политику в возрастающей степени воздействовала ситуация в отношениях с бывшими союзными республиками. Хотя правительства стран нового зарубежья и проявляли определенную заинтересованность в контактах с Москвой, тем не менее преобладала их озабоченность укреплением суверенитета. Подозревая Россию в имперском синдроме, лидеры независимых государств склонны были винить «руку Москвы» во внутренних трудностях, активно искали защиты от российского «великодержавия» на разных азимутах – на Западе, Юге и Востоке. Встречные шаги со стороны потенциальных «защитников» суверенитета бывших республик СССР усиливали раздражение в Москве, порождали там опасения, что Россию хотят вытеснить из традиционной сферы влияния, нанести ей ущерб.

Желание почти всех восточноевропейских стран войти в НАТО вновь сфокусировало внимание Кремля на бывших партнерах по Варшавскому Договору и СЭВ. Стало очевидно, что восточноевропейцы не видят в новой России надежного друга, напротив, Москва для них – потенциальный источник угрозы безопасности и суверенитету.

Ослабление связей с коммунистическими странами также приводило к негативным последствиям. Так, Россия не только понесла определенные экономические потери в Северной Корее, но и потеряла влияние на режим, от поведения которого зависят стабильность и мир вблизи российских границ. Отдаление от КНР могло еще сильнее ударить по интересам России, особенно в свете того, что дружба с Западом не приносила ожидаемых дивидендов. В Москве осознали, что не следует терять контакты и с бывшими партнерами СССР в Южной Азии, на Ближнем Востоке, в других регионах.

По причинам, изложенным выше, первоначальная российская внешняя политика очень скоро превратилась в мишень для критики. Ее вал нарастал и фактически развернулись дебаты всероссийского масштаба. Участники дебатов раскололись на четыре лагеря.

Первый составили западники, которые настаивали на необходимости продолжать ориентацию на Запад, на полную интеграцию с ним.

Второй лагерь – антипод первого, он был антизападным. Его приверженцы полагали, что Россия и Запад не могут быть друзьями, что западный мир на протяжении столетий пытался подорвать силы и влияние России – начиная с вторжений католических рыцарей в XIII в. и кончая походами Наполеона и Гитлера. Только оказав сопротивление противнику, Россия смогла выжить и сохранить свою уникальную цивилизацию, великодержавный статус. Развивая аргументацию, антизападники утверждали, что в конце нынешнего столетия Запад почти преуспел в ликвидации России как великой державы – с помощью «предателей», пробравшихся к государственному штурвалу. В итоге все потрясения и невзгоды, выпавшие на долю современных россиян, приписывались «козням» Вашингтона – именно он разрабатывал планы уничтожения России и под его диктовку эти планы реализовываются.

Те, кто видели в Западе потенциальную угрозу, предлагали различные рецепты ее сдерживания. Большинство считало, что Россия должна искать

союзников среди бывших республик СССР. Были люди, предлагавшие вступить в союз на юге (Иран) и на востоке (Китай).

Третья система взглядов, выражаемых в ходе национальных дебатов, сводилась к выявлению врагов России повсюду. Выразители такого подхода призывали соотечественников закрыть страну и занять круговую оборону. Типичный пример этой логики содержался в исследовании о реформе вооруженных сил, подготовленном в консервативном «мозговом центре» – Институте оборонных исследований (ИОИ). Исследование называло наиболее вероятными противниками России США и страны НАТО. Прямую угрозу безопасности России якобы создавали также Турция, Пакистан, Саудовская Аравия и Япония. Китай и Иран на данном этапе были исключены из этого списка, но в будущем против Китая, мол, тоже потребуется осуществлять ядерное сдерживание. ИОИ полагал, что враги имеются и на территории бывшего СССР – это «силы агрессивного национализма, которые действуют при поддержке извне и располагают собственными военными формированиями».

Четвертая система взглядов в российской политической жизни нацелилась на придание многовекторности и сбалансированности внешней политике страны. Приверженцы этой позиции стали подчеркивать: у России нет врагов, она может и должна сотрудничать с большинством стран мира, особенно с соседними, при этом Москве не следует «склоняться» в ту или иную сторону – в силу своего географического положения, размера, мощи, истории Россия должна поддерживать сбалансированные отношения с Западом, Востоком и Югом, не ища союзов (за возможным исключением стран СНГ).

Именно эта система взглядов все активнее пробивала себе дорогу в российской внешней политике. Окончательно закрепилась она с приходом к власти в 2000 году президента Путина. Нынешнее российское руководство полагает, что только такой курс в состоянии обеспечивать национальную безопасность страны, удовлетворять потребности внутренних реформ и

позволяет России играть на мировой арене роль самостоятельной и влиятельной державы.

Атака террористов на США 11 сентября 2001 года лишь укрепила Москву в решимости проводить упомянутый курс. А война в Ираке не сбילה ее с взятого курса.

Попробуем обосновать изложенные выше тезисы с помощью анализа российской политики на ее главных азимутах. Начнем с американского азимута.

2. Российско-американские отношения.

Президент Путин с самого начала стремился к гармонизации отношений с США на основе многовекторной, сбалансированной стратегии. Однако в Вашингтоне интерес к партнерству с Москвой падал. Если при президенте Б.Клинтоне Соединенные Штаты, несмотря на все осложнения, не отступали от курса на поддержку российской демократии, то новый президент Дж.Буш занял иную позицию.

Россия, наряду с Китаем, были квалифицированы в Белом доме как государства, которые хотя и не являются «изгоями» (типа Северной Кореи или Ирака), но не относятся и к числу американских союзников и друзей. Они действуют и будут продолжать действовать, исходя из собственных, специфических интересов, которые отнюдь не всегда совпадают с американскими. Белый дом решил: там, где диалог с Москвой целесообразен, можно его вести. В других же областях, где интересы двух стран сталкиваются, Америке следует или игнорировать слабеющую Россию или оказывать на нее давление.

На практике США все меньше считались с Россией, все чаще задевали ее интересы. Это и политика расширения НАТО на восток, и выход США из договора о противоракетной обороне 1972 года, и дискриминация российских экспортеров на американском рынке, и резкая критика Вашингтоном действий Кремля в Чечне, и линия США на решение актуальных международных проблем единолично, вне рамок ООН и без

согласования с другими странами. Казалось, что вопреки российской стратегии сбалансированности, Москва и Вашингтон шаг за шагом скатываются к конфронтации.

Но, вот 11 сентября 2001 года произошло крупномасштабное нападение террористов на американские города. В.Путин одним из первых выразил сочувствие Америке и проявил с ней полную солидарность. Это было вызвано, во-первых, тем, что Россия сама страдала от терроризма и на протяжении ряда лет призывала Запад, включая США, обратить внимание на эту реальную угрозу глобальной безопасности, перестать критиковать Москву за Чечню и объединить усилия в противодействии злу. Жизнь доказала справедливость такой позиции, возникли условия для антитеррористического союза России и Соединенных Штатов. Во-вторых, Кремль решил воспользоваться изменившейся ситуацией для возвращения в конструктивное русло всего комплекса российско-американских отношений.

Вашингтон, неожиданно оказавшись в очень сложной ситуации, по достоинству оценил действия Москвы. Соединенные Штаты переориентировали внешнюю политику на борьбу с терроризмом и стали рассматривать Россию как важнейшего партнера в этой области. Некоторые разногласия между Москвой и Вашингтоном отошли на задний план, другие были урегулированы. Россия пошла на глубокую корректировку своей позиции, не возразив против появления американских военных баз в Центральной Азии и в Закавказье. Российско-американские отношения, скрепленные задачами по борьбе с международным терроризмом, стали развиваться по восходящей.

Однако кризис вокруг Ирака вновь привел к возникновению напряженности между Россией и США. Москва посчитала недопустимым и чрезвычайно опасным произвольное, без санкции ООН применение силы в международных отношениях для ликвидации неугодных режимов. С точки зрения России, если «кулачное право» превратится в норму, то мир скатится к хаосу, войнам и, в конце концов, к глобальному конфликту.

Как представляется, поведение Соединенных Штатов неслучайно. Америка явно стремится к гегемонии, установлению однополюсного мира и такое стремление обусловлено рядом мотивов.

США победили в холодной войне, и это обстоятельство оказало на американцев более глубокое воздействие, чем если бы их страна выиграла настоящую, «горячую» войну. Одно дело, когда Соединенные Штаты, вместе с СССР и другими союзниками, силой захватывают нацистскую Германию и заставляют ее отказаться от прежних идеологии, строя, внешней политики. Другое, когда главный противник в холодной войне, СССР, сам признает негодность своих идеологии, строя, внешней политики и по собственной воле берет Запад за образец развития.

Как на все это должны были реагировать американцы? Точно так же, как Советский Союз в свое время воспринимал успех коммунистических революций в Китае, Вьетнаме или на Кубе. Наши идеи, восторгались советские лидеры, живут и побеждают, а это значит, что они прогрессивны, указывают человечеству путь в светлое будущее, и рано или поздно социализм неминуемо восторжествует повсеместно. А долг Советского Союза всеми силами способствовать объективному историческому процессу.

Теперь настала очередь американцев поверить во всепобеждающую мощь своей идеологии. Если уж в главной «империи зла», на родине Ленина, прониклись любовью к демократии и рыночной экономике, то каким иным путем двигаться человечеству вперед? Тем более что от марксизма-ленинизма, социализма и прочих «измов» решительно, и тоже по собственной воле, отказались восточноевропейцы и большинство экспериментаторов в арабском мире, черной Африке.

Да и китайцы, не переставая курить фимиама Мао Цзэдуна, все более энергично переводят страну на рельсы «социалистического капитализма» - социализма на словах, капитализма на деле. При этом даже в государствах, категорически отвергающих американскую модель, таких как Иран или

Ливия, люди тайком упиваются голливудскими боевиками и славословят Америку.

В этих условиях Соединенные Штаты, вполне естественно, возомнили себя вождем прогрессивного человечества, призванным руководить миром в его движении к свободе и процветанию. Амбиции возрастали по мере все новых достижений. Добровольная капитуляция идейных и политических противников вместе с увеличивающимся отрывом США от конкурентов по совокупной мощи способствовали размножению за океаном теоретических обоснований американского лидерства.

Трагические события 11 сентября 2001 года подхлестнули новый «крестовый поход». К гегемонистско-мессианским мотивам добавились жажда мести и твердая решимость обеспечить Америке абсолютную безопасность. Ощутимое воздействие на американскую стратегию оказывают и экономические мотивы. Америке нужны выходы на новые рынки, а главное требуется на длительную перспективу обеспечить себе бесперебойный доступ к энергетическим источникам.

Приводным ремнем гегемонистской политики Вашингтона все более зримо и весомо выступает военно-промышленный комплекс. На картах Пентагона мир изображается как территория, предназначенная для дислокации и эффективного функционирования военных баз. Есть районы, которые американские войска надежно контролируют, другие – находятся в пределах их досягаемости, третьи пока остаются неосвоенными и неприкрытыми. И все мысли стратегов направлены на устранение «пробелов» на карте мира. Против Ирака уже поставлена галочка. На очереди новые «белые пятна».

Американцы традиционно (и в голливудских боевиках, и в реальной жизни) делят людей на «хороших» и «плохих» парней. Так вот есть веские основания полагать, что американские «хорошие парни» продолжают охоту за «плохими парнями», угрожающими Америке и всей современной цивилизации. Успехи, как известно, вскруживают голову, да и «плохие

парни», в самом деле, еще не перевелись на земле. Причем, некоторые из них ведут себя все более дерзко. Так, Северная Корея заявила о том, что обладает ядерным оружием, и в Вашингтоне раздаются голоса: мы, мол, терпим северокорейский коммунистический режим с 1945 года. Сколько еще его терпеть?

Мир не впервые переживает ситуацию, когда государство (или группа государств), движение (или ряд движений), идеология (или несколько идеологий) стремятся с опорой на силу распространить свое влияние на другие части земного шара. Древний Китай покорял соседских варваров, чтобы цивилизовать их и тем самым облагодетельствовать. Папский Рим был уверен, что его карательные «крестовые походы» на «неверный» Восток были богоугодным предприятием. Англия, Франция, Испания и другие колониальные державы тоже прикрывались благовидными мотивами. Наполеон гордился тем, что освобождал Европу от феодально-абсолютистских пут. Советский Союз был искренне убежден в том, что экспорт революции – правое дело. Во имя высоких целей организовывались вооруженные вторжения на чужие территории, устраивались войны.

Когда «цивилизаторы» становились чересчур сильны и агрессивны, соперники и жертвы объединялись, и разгорались крупные конфликты. Неприятие «нового порядка» Гитлера привело к союзу таких разных стран, как капиталистическая Америка и сталинский Советский Союз. Холодная война против СССР позволила помириться вечным антагонистам Германии и Франции, преодолеть отчужденность между США и КНР.

Как будет на этот раз? Вновь сформируется единый фронт противостояния гегемону? Идеи объединения на антиамериканской основе уже бродят по миру. Их озвучивают даже в Китае, вот уже двадцать лет успешно проводящем политику невступления в альянсы и гибкого балансирования между великими державами. Некоторые китайские эксперты предлагают укреплять с Россией «предсоюзнические» отношения, которые могут перерасти в союзнические, «если США встанут на путь открытой

враждебности к Китаю, перейдут к стратегическому окружению и блокаде, тем более, если вознамерятся нанести по КНР военный удар»¹.

И все же есть основания полагать, что до этого дело в XXI столетии не дойдет. Оптимизм базируется на ряде соображений. Приведем их.

Во-первых, Соединенные Штаты уже сейчас сталкиваются с негативными последствиями силового метода насаждения «передового» образа жизни. В Афганистане вновь поднимают головы талибы и террористические группировки, не уменьшается, а увеличивается вывоз наркотиков с афганской территории во внешний мир. В Ираке успешный «блиц-криг» тоже может оказаться на поверку Пирровой победой. В иракском обществе нарастает раздражение «крестоносцами-миссионерами», раздаются угрозы, что «война с оккупантами только начинается». Нельзя исключать, что Ирак повторит опыт Ирана, где модернизация под диктовку Вашингтона родила не демократию, а жесткий исламистский режим, который уже более двадцати лет бросает вызов Соединенным Штатам.

В конце концов в Вашингтоне осознают непродуктивность установления демократии в чужих землях и цивилизациях на штыках.

Во-вторых, пыл американского правительства будет охлаждать внутренняя оппозиция. Соединенные Штаты – демократическая страна и для многих ее политиков и общественности агрессивная политика, чреватая нарушением норм международного права и человеческими жертвами, является неприемлемой. Сопротивление такой политике явно нарастет. Если против бомбардировок Югославии в 1999 году в США возражали единицы, то вторжение в Ирак в 2003 году всколыхнуло сотни тысяч людей. Лидеры демократической партии, члены конгресса, отставные военные, «звезды» Голливуда, студенты энергично выступили против войны, характеризуя ее как «несправедливую, немотивированную, опасную, наносящую Америке непоправимый ущерб». Нарастает вал критики Белого дома за подтасовку фактов в обоснование военного нападения на Ирак. Популярность Дж.Буша

---

¹ Цитируется по: Шутов А.Д. (отв. ред.). Ученые записки – 2003. М., 2003. С.22.

пошла на убыль и уже раздаются призывы подвергнуть президента «импичменту».

Еще большие внутривластные затруднения испытывает из-за иракской войны главный союзник Вашингтона – британский премьер Т.Блэр.

В-третьих, в условиях углубляющейся депрессии, Вашингтону придется более тщательно считать деньги. Средств на экспорт демократии и военную гегемонию в глобальном масштабе будет становиться все меньше. Уже сейчас в Америке выражается недовольство тем, что на Ирак потрачены и продолжают тратиться огромные средства, что ложится тяжелым бременем на экономику США.

В-четвертых, и это, наверное, главное, Соединенные Штаты в конце концов осознают, что многие из сложных проблем нашего взаимозависимого мира можно урегулировать только при условии тесного и равноправного партнерства с другими членами мирового сообщества, а не игнорируя их и не вызывая с их стороны негативную реакцию и противодействие.

Наиболее очевидный на нынешнем этапе вызов, требующий коллективного ответа, исходит от международного терроризма. Американцы понимают, что не смогли бы провести операцию в Афганистане, если бы не поддержка и помощь России и центральноазиатских государств. До полного урегулирования в Афганистане еще далеко, и Соединенные Штаты, опять же по мнению самих американцев, должны и впредь опираться на Москву и ее союзников в Центральной Азии. Учитывая глобальные масштабы террористических сетей, Вашингтону придется сотрудничать в их искоренении и с десятками других государств в разных частях света.

С каждым днем настойчивее добивается Вашингтон подключения союзников и друзей к укреплению оккупационной власти в Ираке. Все новые и новые аспекты иракского урегулирования Вашингтон вынужден передавать на рассмотрение ООН.

Возрастает угроза распространения ядерного оружия. Хотя США и справились с С.Хусейном, очевидно, что на всех реальных и потенциальных

нарушителей нераспространения голой американской силы не хватит. Требуется равноправное, ответственное и доверительное партнерство всех ядерных держав в рамках ООН и других международных организаций, нужны новые крупные шаги в области ядерного разоружения, которые подавали бы позитивный сигнал неядерным странам. Необходимо создавать другие побудительные мотивы у всех членов мирового сообщества к соблюдению и защите режимов нераспространения (в частности, выработать конвенцию о гарантиях безопасности ядерных держав неядерным; содействовать разработке технологий, устойчивых с точки зрения ядерного нераспространения; сделать необратимой «безвзрывную эру», основанную на договоре о всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия; ужесточить контроль за перемещением ядерных материалов и т.п.).

Еще одна важнейшая сфера, где Вашингтону не обойтись без других, - урегулирование региональных и локальных конфликтов. Человечество вошло в XXI столетие с высоким конфликтным потенциалом. Не разрешены десятки территориальных споров. Сохраняются и могут возникать новые межгосударственные конфликты на этническо-религиозной и идеологической почве, из-за обладания ресурсами (водой, нефтью и другими полезными ископаемыми), в погоне за субрегиональным лидерством. К ним добавляются внутренние неурядицы в десятках государств социально-экономического, религиозно-этнического и политического свойства. В условиях глобализирующегося мира внутренние проблемы вырываются за государственные границы. Выражается это в потоках беженцев, терроризме, наркобизнесе, похищении ядерных и смертоносных материалов и т.д.

Ну, и, наконец, в Вашингтоне не могут не учитывать глубинные причины межгосударственных и внутренних конфликтов. «Мир, - констатируется в концепции национальной безопасности США от 20 сентября 2002 года, - где кто-то живет в комфорте и достатке, в то время как половина человечества существует менее чем на 2 доллара в день, не является ни справедливым, ни стабильным». Соединенные Штаты

декларируют готовность совместно с остальными промышленно развитыми странами оказывать максимально возможную помощь отстающим во всех областях, полагая, что преодоление нищеты и отсталости, процветание мировой экономики и ее отдельных частей не только будет благоприятствовать удовлетворению экономических интересов США, но и укрепит американскую национальную безопасность.

Среди тех партнеров, с которыми США выражают желание делить бремя ответственности за дела в мире, видное место стало отводиться России. Американские руководители неизменно подчеркивают, что США и Россия «не являются больше стратегическими противниками», между ними устанавливаются «новые стратегические отношения», интересы двух стран «во многих областях совпадают». Заявляется, что Соединенные Штаты стремятся к переориентации отношений с Россией «на появляющиеся и потенциальные общие интересы и задачи». Последние контакты высших лидеров (визит Дж.Буша в Санкт-Петербург, саммит «большой восьмерки» во французском Эвиане и т.д.) подтверждают наличие возможностей для равноправного, взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами.

Демонстрирует Вашингтон и осознание важности «постоянного сотрудничества» в мировых делах с «союзниками и друзьями в Канаде и Европе», большинством стран Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Японию, Китай и Индию, государствами других континентов, международными и региональными организациями.

Таким образом, несмотря на нарастающую тягу Вашингтона к единоличной гегемонии, к низведению всех остальных членов мирового сообщества до роли «младших партнеров», живущих и действующих по американским лекалам, реалии современного мира толкают и будут продолжать толкать Соединенные Штаты к более реалистичной и разумной политике сотрудничества.

Все это Россия учитывает, выстраивая свою линию на мировой арене. Ведь большинство из тех проблем, которые Америка стремится решать, в

равной степени волнует и нас. И также как американцы не справятся с этими проблемами без участия других членов мирового сообщества, в том числе России, так и мы не обойдемся без сотрудничества с США. Еще более контрпродуктивно и опасно помышлять об изоляции Соединенных Штатов, конструируя против них различные «треугольники», «четырёхугольники» и «единые фронты». Из этих затей все равно ничего не получится, ибо подавляющее большинство членов мирового сообщества нуждается в сотрудничестве с США и не пожертвует им. Тот же Китай никогда не сделает этого, имея, среди всего прочего, товарооборот с Соединенными Штатами почти в 120 млрд. долларов, из которых около 100 млрд. долларов приходится на китайский экспорт. Для сравнения российско-китайский товарооборот в 10 раз меньше.

А если некий «единый фронт» все-таки каким-то чудом возникнет, то это неминуемо ввергнет мир в глобальную катастрофу, и тогда, учитывая уровень военных технологий и оружия, на человечестве можно будет ставить крест. Не следует упускать из виду и тот очевидный факт, что без сотрудничества или, по крайней мере, нейтрального отношения со стороны США, нам не удастся осуществить жизненно важные задачи внутреннего развития – построить эффективную рыночную экономику и устойчивую демократию.

Подытоживая, есть все основания признать, что Америка, не как гегемон, а будучи наиболее развитой и влиятельной страной, играет важнейшую роль в обеспечении экономического прогресса и политической стабильности на земном шаре. Мы все зависим от США, но и они, и в этом особенность современного глобализирующегося мира, в возрастающей степени зависят от остальных, от нас. Существуют сотни нитей, которые связывают Америку и Россию в единую систему, делают их заложниками стабильности и процветания друг друга. Точно так же взаимозависимы США и Китай.

Критики утверждают, что глобализация усугубляет зависимость слабых и малых государств от сильных и больших. Но слабые и малые всегда

зависели от своих антиподов. Экономическая зависимость остается и теперь, но она постепенно приобретает обоюдный характер. В этом смысле показателен финансовый кризис, потрясший в конце 1997 г. Восточную Азию. США и западноевропейские государства взялись тогда помогать попавшим в беду, причем движимые не альтруизмом, а трезвым расчетом, осознанием того, что сами могут пострадать от азиатского кризиса. В целом глобализация может сделать различные народы настолько взаимозависимыми, что они со временем перестанут разрешать противоречия с помощью насилия, научатся больше сотрудничать друг с другом. В таком случае, благодаря глобализации, есть надежда, что XXI век будет менее кровавым, чем минувшее XX столетие.

Было время, когда Соединенные Штаты прекрасно понимали преимущества многополярности. Президент Р.Никсон отмечал в интервью журналу «Тайм» 3 января 1972 г.: «Мы должны помнить, что единственным временем в истории Земли, когда на протяжении какого-то длительного периода мы имели мир, было время баланса сил. Когда одна из стран становится неизмеримо более мощной по сравнению с ее потенциальным конкурентом, возникает угроза войны. Я думаю, что наш мир был бы более безопасным, более совершенным миром, если бы мы имели сильные, здоровые Соединенные Штаты, Европу, Советский Союз, Китай, Японию, и при том каждое государство уравнивало бы другое».

Сейчас американцам предлагается другая, более совершенная многополюсность – нацеленная на сотрудничество на базе углубляющейся взаимозависимости. В конце концов, США с этим согласятся. Как говорил в свое время Уинстон Черчилль, «всегда можно быть уверенным в том, что Америка пойдет правильным курсом. После того, как исчерпает все альтернативы».

3. Россия и Европа.

Отношения России с Европой имеют, конечно, гораздо более длинную историю, чем с США. На протяжении веков эти отношения носили противоречивый характер, включая в себя элементы сотрудничества и одновременно соперничества, а порой и враждебности. Российское общество постоянно оставалось расколото на прозападников и славянофилов. Первые толкали страну на полную интеграцию в европейскую цивилизацию. Вторые видели в Европе чуждую и угрожающую России цивилизацию, призывали отгораживаться от Запада и объединять вокруг России соседние восточные народы.

Как уже говорилось выше, дебаты между прозападниками и славянофилами возобновились в середине 1990-х годов. Продолжаются они и по сей день, хотя и стали менее заметными после 11 сентября 2001 года. В Европе в свою очередь не закончены споры в отношении России. Не исчезли полностью оставленные в наследство историей страхи и недоверие, в первую очередь в странах, входивших в советский блок.

Еще одним препятствием на пути сотрудничества России и Европы выступают определенные геополитические различия. Россия привыкла играть роль великой державы, и ее не устраивает расширение НАТО, ведущее к дальнейшему изменению баланса сил не в нашу пользу. Казалось бы выход из ситуации – во вступлении Москвы в НАТО. Но мы не можем на это пойти. Наш мощный сосед на Востоке, Китай будет категорически против такого шага. Российско-китайским отношением может быть нанесен серьезнейший ущерб. В случае присоединения к НАТО пострадают и наши позиции в Индии, Иране, арабском мире. Запад, в свою очередь, не горит желанием видеть Россию в натовских рядах. Одни (США, Германия, Англия, Франция) не хотят получить внутри блока дополнительного претендента на лидерство, другие (восточноевропейцы) вступили в Североатлантический альянс именно для того, чтобы отмежеваться от России. Учитывают натовцы и китайский фактор. Если Россия войдет в блок, с ней придется

солидаризироваться во всех спорных ситуациях на Востоке. Запад к этому не готов.

Между нами и европейцами остаются некоторые политико-идеологические различия. Россия только встала на путь демократического развития. В стране сильны коммунисты, националисты и другие антидемократические силы. Вызывают беспокойство на Западе некоторые аспекты внутренней политики российских властей: Чечня, давление на СМИ, централизация политической власти и т.д. Европейцы подвергают Россию критике, что воспринимается у нас как доказательство недружественности Запада. Власти исходят из того, что предпринимаемые ими меры необходимы для предотвращения развала федерации. А значит тот, кто против этих мер, – против России.

Возникают трудности в экономических связях. Россия – крупный экспортер сырья и ее благополучие зависит от высоких цен на сырьевые товары. Большинство европейских стран импортирует сырье и заинтересовано в снижении цен. Кроме того, российская экономика отстает от европейской, из-за чего между сторонами возникают трения по таким вопросам, как качество изделий и контроль за ним, цены, таможенные пошлины, экологические стандарты и пр. Именно поэтому Россия не готова пока присоединиться к Европейскому Союзу и ее там не ждут. Российские бизнесмены сетуют на дискриминацию на европейских рынках, а западные инвесторы все еще побаиваются по-настоящему двинуться в российскую экономику.

Экономические проблемы усугубляются социальными. Европа опасается экспорта из России коррупции, преступности, а также транзита наркотиков и нелегальных иммигрантов с Востока через российскую территорию. Как следствие, Запад ужесточает визовой режим в отношении россиян, возникла проблема российского города Калининграда, отделенного от остальной России странами-членами Европейского Союза.

Несмотря, однако, на упомянутые препятствия, партнерство между Россией и Европой развивается и имеет большие перспективы.

В долгосрочном плане самый важный фактор этого партнерства – стратегия внутреннего развития России. Мы строим рыночную экономику и демократическое общество, и Европа, наряду с США, по-прежнему является моделью в этой стратегии и необходимым партнером для ее успешной реализации. Данная стратегия устраняет основу прежних антагонизмов между Россией и Европой и, напротив, закладывает фундамент для наращивания взаимного сотрудничества. Страхи и недоверие будут рассеиваться не только из-за отдаления от прошлого во времени, но и вследствие изменяющихся реалий.

Но может возникнуть вопрос: не откажется ли Россия от нынешней стратегии? Думается, что это невозможно. Глобализация не позволит России изолироваться и вновь пуститься в экстравагантные социальные эксперименты. Ведущие центры современного мира, а именно, Запад, Япония, Китай, Индия, Юго-Восточная Азия становятся все более взаимозависимы и продолжают развиваться. Если Россия откажется от сотрудничества с ними, сойдет с магистрального пути глобализации, то неизбежен крах.

Что касается Европы, то она, в свою очередь, заинтересована в продвижении России по пути рыночной экономики и гражданского общества. Ибо альтернатива одинаково опасна и для самой России, и для Европы.

Схожие экономические и политические ценности и реалии глобализирующегося мира будут сближать приоритеты России и Европы в области безопасности. Стороны начнут привыкать друг к другу и больше думать о том, что их объединяет. Выше уже назывались проблемы, по которым Москва и Вашингтон сотрудничают или могут сотрудничать, – антитеррористическая деятельность, противодействие распространению оружия массового уничтожения и т.д. На этих же направлениях будут взаимодействовать Россия и Европа. В конечном итоге сложатся условия для

создания единой системы безопасности для Европы и Евразии, а, возможно, Китая и Японии.

Реакция некоторых ведущих государств Европы, прежде всего Франции и Германии, на войну в Ираке показывает, что они разделяют озабоченность России по поводу американского гегемонизма, выступают, как и мы, за многополюсность в мировых делах. И в этом вопросе мы можем сотрудничать – не против США, а на пользу всего человеческого сообщества, в том числе самой Америки.

Экономическая взаимозависимость России и Европы также должна усиливаться. Наша страна может стать главным поставщиком углеродов в Европу и одновременно превратится в привлекательный рынок инвестиций из европейских стран. Экономический прогресс будет способствовать прогрессу в социальной сфере. России постепенно удастся уменьшить коррупцию, преступность, нейтрализовать наркоторговлю и нелегальную эмиграцию.

Улучшение социальной ситуации и повышение жизненного уровня в России откроют возможности для снятия преград на пути передвижения людей: туристов, рабочей силы, студентов. По некоторым оценкам, через 10-15 лет в политической и экономической элитах России возобладают люди, получившие европейское образование, а значит понимающие Запад и разделяющие его ценности.

В целом же, российско-европейское сотрудничество будет развиваться постепенно, не без осложнений и перегрузок. И в любом случае, оно не приведет к полной интеграции в европейское сообщество. Россия, как уже отмечалось, останется самостоятельной величиной, мостом между Западом и Востоком.

4. Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Азиатско-Тихоокеанский регион – равнозначное Западу направление российской внешней политики. Долгосрочные интересы России в АТР заключаются в защите собственной безопасности; в использовании

потенциала региона для реформирования и развития российской экономики; в закреплении многополюсности в международных отношениях, в утверждении России в качестве одного из уважаемых центров влияния на мировой арене. Очевидно, что упомянутые задачи взаимосвязаны. Влияние и престиж, а также безопасность смогут быть обеспечены России только после того, как она докажет свою эффективность в поддержании мира и стабильности на региональном уровне, а также выйдет в число лидеров в сфере экономики.

Нынешняя ситуация в АТР в целом благоприятствует нашим интересам: в регионе нет блоков или стран, враждебно или агрессивно настроенных против России; мы напрямую не втянуты в локальные конфликты; присутствует предрасположенность к экономическому сотрудничеству с Россией; заметен интерес к ее участию в политической жизни этой части света.

Вместе с тем в АТР имеется немало проблем, которые в той или иной степени задевают российские интересы и требуют соответствующей реакции. На первое место я поставил бы социально-экономические проблемы, и прежде всего углубляющееся отставание восточных районов России от соседних государств АТР в развитии производительных сил. Если негативную тенденцию не переломить, то это отставание рано или поздно может вырасти в угрозу национальной безопасности. Соседи перестанут считаться с Россией и превратят наш Дальний Восток и Сибирь в объект давления, демографической и экономической экспансии. Решить данную проблему самостоятельно Россия не в состоянии. Речь должна идти о развитии восточных районов страны с помощью зарубежных партнеров.

Одновременно Москва не может отгораживаться от недугов, сопровождающих экономическое развитие других стран АТР, – истощение ресурсов, деградация окружающей среды, перенаселение, безработица, эпидемические болезни. Все более острый характер приобретают в регионе новые угрозы – терроризм, наркоторговля, оргпреступность и т.п. Россия

энергично добивается объединения усилий региональных государств для противодействия угрозам и преодоления трудностей.

Вторая группа проблем, на которые в России не могут не обращать внимания, – региональные «узлы» напряженности. Наиболее опасные из них – корейский и тайваньский «узлы», а также спор из-за островов в Южно-Китайском море. По всем этим вопросам Москва занимает однотипную позицию, поощряя спорящих к мирному, упорядоченному преодолению разногласий. Таков же наш подход к разногласиям с Японией по поводу принадлежности Южных Курил.

Третья группа проблем в АТР связана с угрозой распространения ядерного оружия, гонкой обычных вооружений. Россия категорически против ракетно-ядерных планов Северной Кореи, но за мирное урегулирование кризиса. Большая опасность исходит от ядерных программ Индии и Пакистана, осуществляемых на западной границе АТР. Россия активно добивается примирения этих двух государств. Наше руководство выступает также за обуздание гонки обычных вооружений в регионе путем продвижения мер доверия, создания адекватного режима торговли оружием.

Беспокойство вызывает в России и четвертая группа проблем, связанная с изменением баланса сил между ведущими тихоокеанскими державами, их соперничеством. Нам невыгодно это соперничество, и мы ратуем за его сглаживание за счет постепенного создания многосторонних механизмов обеспечения безопасности и сотрудничества.

Такова общая линия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Недавние события в Ираке не оказали на нее кардинального воздействия. Они лишь побуждают Москву еще более внимательно относиться к очагам напряженности и активно добиваться их урегулирования мирным путем, на основе коллективных действий заинтересованных сторон.

Теперь что касается двусторонних отношений Российской Федерации с индивидуальными государствами АТР. Главное внимание мы уделяем Китаю, Японии и двум корейским государствам.

Отношения России с КНР, и у нас, и в Пекине, характеризуются как «превосходные, лучшие за всю историю», как «стратегическое партнерство». Такого рода отношениям способствует целый ряд факторов.

Во-первых, это география и история. Между Россией и Китаем самая протяженная граница, и горький опыт научил обе стороны, как дорого может обойтись им взаимная конфронтация. И Москва, и Пекин не хотят забывать печальных уроков истории.

Во-вторых, правительствам двух стран удалось быстро и успешно разрешить проблемы, доставшиеся в наследство от прошлого: пограничную и концентрации войск в районе общей границы.

В-третьих, стороны преодолели политико-идеологические разногласия, возникшие было из-за крушения коммунистического строя в СССР. В российском обществе испытывают теперь уважение (и даже зависть) к достижениям КНР. Пекин же перестал опасаться «тлетворного» влияния демократизации в России на умонастроения своего населения.

В-четвертых, в Москве и Пекине закрепилось убеждение, что обе стороны решают схожие задачи. Это способствует взаимным симпатиям и доверию: Россия и Китай заняты реформами, и поэтому не могут не быть заинтересованы в мирном окружении.

В-пятых, между Россией и КНР существует экономическая взаимодополняемость, которая будет приносить все большие реальные плоды по мере оздоровления российской экономики, роста привлекательности российского рынка.

В-шестых, Москву и Пекин сближают общие озабоченности и совпадение интересов на мировой арене, в том числе и по вопросам гегемонизма, многополюсного мира, роли ООН и др.

Вместе с тем не все безоблачно в российско-китайских отношениях. На горизонте вырисовываются два раздражителя. Уже сейчас осязаемый раздражитель – драматический рост присутствия китайцев на российском Дальнем Востоке, малонаселенном и экономически отсталом.

Дальневосточники испытывают подозрения, что китайцы хотят оккупировать, а затем и аннексировать эту часть России.

Второй связан с тем, что соотношение сил между Россией и Китаем впервые в истории меняется в пользу последнего. Если эта тенденция продолжится, то КНР может начать оказывать на слабую Россию геополитическое давление, теснить ее в региональном масштабе. Опасения на сей счет уже высказываются в Москве.

Япония, в отличие от Китая, не вызывает подобных опасений в российском обществе. Более того, Москва заинтересована в превращении Токио в более самостоятельный полюс мировой политики, который участвовал бы в удержании США от гегемонистских действий и уравновешивал усиливающийся Китай. Важную роль Японии видит Россия в корейском урегулировании, в создании многосторонних механизмов безопасности в Северо-Восточной Азии, а затем и в АТР в целом.

Интерес Москвы к сотрудничеству с Токио усиливается еще рядом факторов. Ваша страна рассматривается как потенциально крупнейший источник передовой технологии и финансовых ресурсов, как обширный рынок сбыта нашего сырья, особенно энергетических ресурсов. Для России также поучителен богатый японский опыт в сфере развития производительных сил. Несмотря на социально-экономические затруднения Японии в последние годы, Ваша страна по-прежнему воспринимается подавляющим большинством россиян как самый важный и перспективный партнер России в АТР. Наивысшую репутацию имеют в России японские товары, достижения Вашего государства в области науки и техники, образования и культуры. Сейчас, когда российская экономика на подъеме, у японского капитала должен появиться стимул к расширению сотрудничества с нашей страной.

Единственный спорный вопрос в наших отношениях – острова южнокурильской гряды. На его урегулирование, видимо, уйдет еще какое-то время.

В фокусе внимания Москвы остается Корейский полуостров. Наши отношения с Южной Кореей развиваются весьма успешно. В последние годы был предпринят усилия к преодолению трений с Северной Кореей. Тем самым Россия стремится внести вклад в примирение двух корейских государств, в стабилизацию обстановки на полуострове, а также решать свои экономические задачи. Президент Путин активно выступает за налаживание железнодорожного сообщения через всю Корею и восточные районы России в Европу. Если проект удалось бы осуществить, это дало бы мощный толчок развитию российского Дальнего Востока, и конечно, принесло бы большие экономические дивиденды многим странам АТР.

К сожалению, обстановка на Корейском полуострове вновь обострилась. Виноваты, на мой взгляд, обе противоборствующие стороны: и Вашингтон, и Пхеньян. Кризис, однако, поддается разрешению мирным путем. Для этого КНДР должна раз и навсегда отказаться от ядерных амбиций, а Соединенные Штаты – дать настоящие гарантии безопасности Северной Корее, признать КНДР дипломатически и начать с ней полновесное экономическое сотрудничество. Если цель Вашингтона добиться сворачивания ядерных приготовлений Пхеньяна, то такая схема действий реальная, и она немедленно начнет приносить плоды. Если же США на самом деле просто не хотят дальше терпеть режим Ким Чен Ира, то кризис может закончиться войной. Россия категорически против такого варианта. Он окончательно подорвет основы международного права и может спровоцировать большую войну. Мы также против политики «удушения» КНДР – обвальное разрушение этого режима в свою очередь приведет к хаосу и экономическому коллапсу на всем Корейском полуострове.

5. Ближневосточные интересы России.

Еще одно направление многовекторной политики Москвы – Ближний Восток. Это регион, с которым непосредственно связаны жизненно важные, долгосрочные интересы Российской Федерации. Обусловлено это рядом обстоятельств.

Во-первых, Ближний Восток – крупнейший нефтедобывающий и нефтепроизводящий центр, оказывающий огромное влияние на состояние мировой экономики, благополучие многих государств. Через регион пролегают важнейшие транспортные артерии, он лидирует в области импорта современных вооружений и других товаров.

Во-вторых, Ближний Восток занимает обширные пространства, обладает колоссальными человеческими ресурсами и является колыбелью трех мировых религий.

В-третьих, вследствие упомянутых особенностей, а также из-за различных демографических, социальных, этнических и других причин Ближний Восток представляет собой наиболее конфликтогенный регион мира.

В-четвертых, географическая близость и исторические традиции усиливают причастность России к делам Ближнего Востока, зависимость обеспечения интересов нашего государства оттого, что происходит в регионе.

Стратегия России в ближневосточном регионе базируется на следующих аргументах.

1. Несмотря на все политические и экономические сложности, у России имеется на Ближнем Востоке значительный стратегический простор. Наши отношения с арабами опираются на заложенный в прошлом фундамент. Россия никогда не поднимала против них оружия, напротив, поддерживала в войнах и оказала в советский период значительную экономическую помощь. С нашей позицией привыкли считаться. Россия воспринимается большинством ближневосточных государств в качестве одного из полюсов в многополюсном мире, ценного поставщика оружия.

2. На современном этапе значительную угрозу для интересов России представляют исламский экстремизм и международный терроризм. В начале 1990-х годов представители Арабского Востока стали активно воздействовать на ислам в России (исповедующийся 12,5% нашего населения), используя открытость постсоветской Федерации. При это

опасность создает внедрение на российскую территорию экстремистских, прибегающих к террору религиозно-политических групп. Члены этих объединений воюют в Чечне, поставляют туда оружие и деньги, готовят боевиков из числа честных жителей, заражают их идеями превращения Северного Кавказа в независимое исламское государство.

3. Арабо-израильский конфликт, в свою очередь, ставит под угрозу наши интересы. На протяжении минувшего столетия Россия прошла путь от довольно пассивного созерцания обстановки до энергичных усилий в роли посредника между конфликтующими сторонами. Нынешняя многовекторная, сбалансированная внешнеполитическая стратегия позволяет Москве эффективнее выполнять эту задачу.

Как представляется, России следует и впредь:

- поддерживать неоспоримое право палестинцев на свою государственность и его реализацию в русле мирного процесса;
- добиваться взаимоприемлемого решения проблемы палестинских беженцев;
- способствовать снятию озабоченностей Израиля в сфере безопасности;
- наряду с палестинским вектором урегулирования, продвигать вперед ливанский и сирийский векторы;
- выступать за широкую координацию международных усилий в мирном процессе.

4. Противодействие распространению оружия массового поражения (ОМУ) на Ближнем Востоке – еще одна неотложная задача нашей дипломатии. Проблема включает ряд аспектов, в том числе иранский и израильский. Ее решение лежит в совершенствовании режимов нераспространения, в создании климата доверия и безопасности на базе норм международного права и под эгидой ООН.

Чем бы не кончилась американская оккупация Ирака, очевидно, что она не решает проблемы нераспространения. Она наверняка усилит

антизападные настроения в мусульманском мире, вызовет новый всплеск терроризма и экстремизма, что может ударить в том числе и по интересам России.

Кроме того, силовые действия США, предпринятые вопреки воле Организации Объединенных Наций и с нарушением норм международного права, подают негативный пример другим странам. Теперь одни из них будут считать себя вправе, как и американцы, решать международные споры с помощью «кулаков». А другие, опасаясь агрессии извне и не полагаясь на защиту со стороны ООН, интенсифицируют поиски эффективных средств самообороны, включая ОМУ.

5. Экономические интересы России требуют возвращения задолженности арабских стран, оставшейся в наследство от советского периода.

6. Перманентная конфликтность превратила Ближний Восток в самый емкий рынок вооружений. Наиболее перспективные потребители оружия и военной техники – богатые режимы, входящие в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Важное место в их планах отводится России – стране, которую они рассматривают в качестве необходимого фактора глобального и регионального равновесия.

Учитывая конфликтный потенциал региона, соответствие экспортной политики интересам национальной безопасности России постоянно отслеживается.

7. Ближний Восток пока не относится к наиболее успешным направлениям деятельности российского капитала. Но у нас есть и достижения – это, прежде всего, прогресс в деловом сотрудничестве с Египтом. Важнейшей задачей является энергичная и квалифицированная поддержка государством внедрения в регион российского среднего и малого бизнеса.

8. Реализация стратегических интересов России на Ближнем Востоке зависит от сотрудничества как с региональными странами, так и с

великими державами, в устранении угроз безопасности и создании благоприятного климата для экономической и гуманитарной деятельности. Наиболее актуальная задача в этой связи – заставить Соединенные Штаты отказаться от самовольных попыток силой навязывать странам региона свои решения, вернуть США к сотрудничеству на базе международного права и в рамках ООН. Если это удастся, тогда можно будет приступить к постепенному продвижению мер доверия в рамках региона.

6. Россия на постсоветском пространстве.

О постсоветском пространстве мы говорим в последнюю очередь, но это, безусловно, один из важнейших приоритетов российской внешней политики в силу исторических, геополитических, экономических, гуманитарных и иных соображений. Есть механизм для упрочения наших позиций на упомянутом пространстве – СНГ, и Россия стремится его крепить, превращая в динамичное интеграционное объединение.

Очевидно, что члены СНГ в неодинаковой степени готовы к сближению. В этой связи проводится линия на многоуровневую и разноскоростную интеграцию. Учитывая европейский опыт, а равно интересы и позиции наших соседей на постсоветском пространстве, наиболее достижимо на нынешнем этапе экономическое взаимодействие. В зависимости от ситуации Россия выбирает формы взаимодействия: в общих рамках СНГ или в более узких объединениях, таких, как Таможенный союз, в структуре Договора о коллективной безопасности. Высшая на сегодняшний день форма интеграции – создающийся Союз России и Белоруссии.

Успех политики на постсоветском пространстве зависит от соблюдения определенных принципов и учета ряда моментов:

1. Интеграция может осуществляться исключительно на принципах добровольности и равноправия.
2. Молодые государства, переживая пору становления, озабочены упрочением своего суверенитета. Проявления менторства с нашей стороны воспринимаются ими весьма болезненно, как рецидивы имперских амбиций,

отталкивают партнеров от России, побуждают их искать моральную и политическую опору на других направлениях, прежде всего у США.

3. Попытки поставить под сомнение существующие границы, муссировать территориальные вопросы и иные споры политического характера, предвзятость в конфликтах между постсоветскими государствами тем более отдаляют обиженных от России и бросают их в объятия других центров силы.

4. Проявляя взвешенность, сдержанность и гибкость в упомянутых вопросах, мы вместе с тем должны отдавать себе отчет в том, что страны ближнего зарубежья в любом случае будут стремиться к диверсификации внешних связей. Это естественно для независимых, да к тому же молодых и испытывающих социально-экономические трудности государств, ищущих признания и надежные источники финансовых и технологических ресурсов. В конце концов Россия сама добивается углубления партнерства с развитыми и богатыми партнерами.

5. Наше влияние на постсоветском пространстве должно обеспечиваться не нажимом, а совсем иными мерами:

- отчетливо выраженным пониманием стремления молодых государств к укреплению суверенитета и территориальной целостности, расширению внешних связей;

- преодолением наслоений и стереотипов, оставшихся в наследство от прошлого;

- сотрудничеством с властями и общественностью постсоветских государств в обеспечении законных прав наших диаспор;

- разработкой и внедрением в жизнь комплексной программы по всемирному развитию торгово-экономических контактов с ближними соседями;

- беспристрастностью в отношении споров между постсоветскими государствами, посредничеством в урегулировании этих споров;

– искренней заинтересованностью, воплощаемой в конкретных делах, в поступательном развитии и процветании всего постсоветского пространства;

– объединением усилий с соседями в противодействии общим вызовам: терроризм, наркомафия, техногенные катастрофы и болезни и т.д.

В последнее время, базируясь на упомянутых принципах, Россия смогла улучшить двусторонние отношения с большинством постсоветских государств. Что касается многосторонних интеграционных проектов, то они идут медленнее. Думается, однако, что нарастающие в мире процессы глобализации и региональной интеграции будут толкать на этот путь и постсоветские государства.

Новый фактор международных отношений на постсоветском пространстве – появление в Центральной Азии и в Закавказье американских военных баз. Не всем в России нравится это обстоятельство. Кое-кто рассматривает происходящее как реализацию Вашингтоном стратегии «окружения и ослабления» России. Другие опасаются, что даже если США не вынашивают такие планы, тем не менее, их военное присутствие в упомянутых регионах приведет к потере Россией своего влияния на постсоветском пространстве и к дальнейшему изменению мирового баланса сил не в нашу пользу. Высшее руководство страны, однако, исходит из того, что присутствие обусловлено задачей борьбы с терроризмом, религиозным экстремизмом, наркоторговлей и способствует обеспечению российской безопасности. Что касается будущего, то все зависит от долгосрочных тенденций развития российско-американских отношений. Москва верит в то, что они благоприятны.

* * *

Итак, в целом Россия продолжает свой открытый, многовекторный, сбалансированный внешнеполитический курс.